

Налоги и налогообложение*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Финансовый конституционализм как вектор трансформации современной модели конституционализма: от фискального контроля к институциональной устойчивости // Налоги и налогообложение. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-065X.2025.3.74415 EDN: DEKIDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74415

Финансовый конституционализм как вектор трансформации современной модели конституционализма: от фискального контроля к институциональной устойчивости

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

 psu70@bk.ruСтатья из рубрики "Правовое регулирование налоговых отношений"**DOI:**

10.7256/2454-065X.2025.3.74415

EDN:

DEKIDL

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2025

Аннотация: Современная модель конституционализма переживает глубокие трансформации под воздействием глобальных экономических и политико-правовых изменений. Одним из ключевых вызовов, актуализирующих необходимость переосмысления теоретико-правовых оснований, является нарастающий кризис фискальной устойчивости, усугубляемый последствиями глобализации, цифровизации и климатических преобразований. В этих условиях особую значимость приобретает концепт финансового конституционализма, представляющий собой не просто форму бюджетного регулирования, а комплексный институциональный механизм обеспечения устойчивости публичных финансов. Предметом настоящего исследования выступают правовые основания, институциональные проявления и трансформационные тенденции финансового конституционализма в контексте эволюции современного конституционного

порядка. В центре анализа — соотношение между финансовым суверенитетом, публичной ответственностью и правовым ограничением власти в условиях многослойного и фрагментированного управления. Методологическая основа исследования включает междисциплинарный подход, сочетающий доктрины публичного права, теории институционализма и экономико-правового анализа. Применены методы сравнительно-правового анализа, формально-юридический метод и системный подход, позволяющий выявить взаимосвязь между финансовыми и конституционными трансформациями. Использование историко-правового метода позволило проследить эволюцию фискального контроля. Научная новизна исследования заключается в обосновании финансового конституционализма как самостоятельной и перспективной парадигмы современного конституционного правления, способной выступать ядром институциональной устойчивости в условиях правовой неопределенности. В работе выявлены основные принципы и потенциальные векторы развития финансового конституционализма в правовых системах государств глобального Юга и постсоветского пространства. Обоснована необходимость конституционного закрепления параметров устойчивых публичных финансов как инструмента балансировки между экономической рациональностью и социальной справедливостью. Показано, что новая парадигма требует трансформации представлений о роли конституции как инструмента макроэкономического управления. Подобная постановка проблемы выходит за рамки традиционного подхода к финансовому праву, ограничивающегося инструментальной ролью бюджета. В рамках статьи предлагается рассматривать публичные финансы как сферу, обладающую не только экономическим, но и политико-правовым содержанием, способным оказывать прямое воздействие на структуру, функционирование и легитимность государственных институтов.

Ключевые слова:

финансовый конституционализм, институциональная устойчивость, бюджетная политика, публичные финансы, фискальный контроль, суверенитет, цифровая трансформация, правовое регулирование, конституционное правление, устойчивое развитие

Введение

Современное общество, находящееся в условиях глобальной экономической турбулентности, наглядно демонстрирует ограниченность и несостоятельность устоявшихся механизмов фискального контроля, традиционно закреплённых в конституционном праве как инструментов обеспечения прозрачности и ответственности публичной власти. На фоне нарастающего недоверия к классическим формам бюджетного надзора, которые зачастую сводятся к постфактумной проверке расходования средств, встает вопрос о необходимости переосмысливания самих основ публичных финансов и их конституционного регулирования. В условиях постоянного давления со стороны глобальных рынков, транснациональных институтов и внутренних бюджетных дефицитов особенно остро встаёт проблема поиска нового, институционально более устойчивого и концептуально целостного подхода к организации финансовой политики государства. Этот поиск приводит к формированию качественно новой научной и правовой парадигмы – парадигмы финансового конституционализма.

Финансовый конституционализм, как концептуальная конструкция, возник в контексте попыток соединения принципов устойчивости государственных финансов с фундаментальными нормами и ценностями конституционного строя. В отличие от

фискального контроля, ориентированного на технические аспекты исполнения бюджета и соблюдение процедурной дисциплины, финансовый конституционализм стремится к институционализации долгосрочной финансовой ответственности как составной части конституционного порядка. При этом он рассматривается не только как система правовых норм, но и как идеологическая рамка, в которой устойчивость бюджета становится выражением политической легитимности и социального контракта между государством и обществом. Такую трансформацию особенно остро подчеркивают последствия глобальных финансовых кризисов последних десятилетий, начиная с мирового кризиса 2008 года и заканчивая постпандемийными дисбалансами, углубившими структурные проблемы бюджетных систем многих государств. Кризис доверия, охвативший как институциональные, так и гражданские формы легитимации власти, обострил потребность в новой модели публичной финансовой политики, которая должна быть встроена в рамки верховенства права, а не подчинена краткосрочным политическим интересам.

В этой связи объектом настоящего исследования выступает современная модель конституционализма в её взаимодействии с системой публичных финансов, а предметом – правовая природа и институциональная структура финансового конституционализма как вектора трансформации указанной модели. Акцент сделан на изучении тех аспектов, в рамках которых происходит переход от фискально-центрированной логики бюджетного контроля к комплексному, стратегически ориентированному механизму финансовой устойчивости, основанному на конституционных принципах и институтах. Особое внимание уделяется анализу конституционных норм и доктринальных подходов, формирующих нормативную основу финансовой устойчивости, а также тех механизмов, которые обеспечивают долгосрочную предсказуемость, транспарентность и подотчётность бюджетной политики.

Целью статьи является научное обоснование финансового конституционализма как автономного и перспективного направления развития современной конституционно-правовой доктрины, выходящего за рамки классических подходов к регулированию бюджета и налоговой политики. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: проанализировать эволюцию представлений о месте публичных финансов в системе конституционных координат; выделить ключевые принципы, лежащие в основе финансового конституционализма; исследовать механизмы институциональной устойчивости, основанные на правовом обеспечении фискальной дисциплины; рассмотреть примеры зарубежных практик реализации данной парадигмы; а также оценить возможности интеграции этой модели в национальные правовые системы, в том числе в правовой порядок Республики Казахстан.

Научная новизна настоящего исследования заключается в предложении концепции финансового конституционализма в качестве самостоятельного и структурообразующего направления в теории современного конституционализма, способного объединить требования устойчивости публичных финансов с принципами правовой государственности. Подобная постановка проблемы выходит за рамки традиционного подхода к финансовому праву, ограничивающегося инструментальной ролью бюджета. В рамках статьи предлагается рассматривать публичные финансы как сферу, обладающую не только экономическим, но и политико-правовым содержанием, способным оказывать прямое воздействие на структуру, функционирование и легитимность государственных институтов. Так, немецкий исследователь С. Schmitt, ещё в первой половине XX века подчёркивал, что бюджет – это конституционный акт первого порядка, поскольку именно в нём концентрируется воля государства, распределяющая власть через ресурсы [\[1\]](#). Более современные интерпретации, такие как работы К. Tuori [\[2\]](#) и М. Kumm [\[3\]](#),

настаивают на тесной взаимосвязи между фискальной политикой, правами человека и демократической легитимностью решений в рамках так называемой «многоуровневой конституционализации».

Методологическая база исследования основывается на комплексном применении юридико-догматического, сравнительно-правового, институционального и междисциплинарного подходов. Юридико-догматический метод позволяет выявить структурные связи между нормами конституционного и финансового права, а сравнительно-правовой подход открывает возможности анализа зарубежных моделей (в частности, Германии, США, Франции и стран ЕС) в целях оценки степени универсальности финансового конституционализма как правовой категории. Институциональный подход помогает понять роль структурных изменений в системе публичной власти, обеспечивающих устойчивость финансовой политики, в то время как междисциплинарные методы (включая экономико-правовой и политico-правовой анализ) позволяют ввести в рассмотрение не только нормативные, но и контекстуальные, социально-экономические факторы формирования устойчивой финансовой архитектуры. Кроме того, в ходе исследования применяется аксиологический подход, способствующий выявлению ценностных ориентиров современной финансовой конституционализации как выражения справедливого, предсказуемого и ориентированного на долгосрочную перспективу правопорядка.

Таким образом, данная статья направлена на формирование целостного и концептуально нового взгляда на публичные финансы не как техническую сферу исполнения государственной воли, а как один из ключевых векторов развития современного конституционализма, в рамках которого соединяются правовая стабильность, экономическая устойчивость и политическая легитимность.

Эволюция концепта конституционализма в контексте экономической реальности

История конституционализма на протяжении последних трёх столетий представляет собой не только процесс институционального ограничения политической власти, но и сложную эволюцию представлений о функциях государства, границах публичной власти и механизмах её подотчётности. В классическом виде, восходящем к либеральной традиции XVIII–XIX веков, конституционализм мыслился как средство легитимации власти через её самосодерживание. Он строился на правовом формализме, предполагавшем неукоснительное следование нормам, закреплённым в основном законе, и на установлении жёстких процедурных барьеров для произвола власти. Центральным в данной парадигме являлся принцип разделения властей, сдержек и противовесов, а также приоритет индивидуальных прав и свобод над интересами государства. Классические работы А. Гамильтонса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо создавали теоретическое основание для такого порядка, где государственная власть должна действовать не «вопреки» обществу, а «через» него, подчиняясь установленным нормам, прежде всего в интересах частной автономии индивида.

Вместе с тем, уже в XX веке, особенно после разрушительных войн и социальных кризисов первой половины столетия, либеральный конституционализм подвергся значительной трансформации. На его смену пришла модель «социального конституционализма», в которой государство перестаёт быть исключительно «ночным сторожем», охраняющим рамки формальной свободы, и начинает активно участвовать в перераспределении ресурсов, создании общественного блага, гарантиях социальной справедливости. В частности К. Туори рассматривает концепцию «европейского социального конституционализма», где акцент делается на доступности прав и

социальной справедливости, а не на солидарности. Он утверждает, что европейский социальный конституционализм не заменяет национальные социальные конституции, а дополняет их, особенно в сферах, находящихся на периферии социального государства, таких как потребительское право [4]. Конституции европейских государств, принятые после Второй мировой войны (Германии 1949 г., Италии 1947 г., Франции 1958 г.), включают в себя широкий спектр социальных прав, а государство начинает рассматриваться не только как ограничиваемая, но и как ответственная за развитие институтов демократии и равенства структура. В этой новой модели усиливается акцент на позитивной ответственности государства, что находит отражение в нормах, закрепляющих право на труд, достойный уровень жизни, медицинскую помощь, образование и иные социальные гарантии.

Однако как в классической, так и в социальной модели конституционализма финансовый аспект нередко оставался «в тени» — воспринимался как техническая область, подчинённая политическим решениям. Лишь в тех случаях, когда вопрос касался налогообложения, он выходил на передний план — прежде всего через принцип налогового суверенитета и парламентского контроля над бюджетом, восходящий к английской традиции, выраженной в «Bill of Rights» 1689 года. Именно в этой исторической конструкции закладывались основы ключевого конституционного принципа: «никакого налога без представительства». Эта формула, как известно, лежала в основе и Американской революции, и последующего развития представительной демократии. Впоследствии данный принцип закреплялся в подавляющем большинстве демократических конституций, включая статьи 110–115 Основного Закона ФРГ и статьи 71–77 Конституции Французской Республики, где за парламентом сохраняется исключительное право утверждения бюджета и налогов.

Несмотря на это, на протяжении долгого времени финансовая сфера оставалась пространством относительной автономии исполнительной власти, воспринималась как пространство для оперативных решений, зачастую не проходящих полноценной конституционной рефлексии. Такая ситуация в значительной степени изменилась в начале XXI века, в особенности после глобального финансового кризиса 2008 года, показавшего не только хрупкость глобальных рынков, но и неспособность традиционных бюджетных механизмов обеспечить устойчивость в долгосрочной перспективе. Именно в этот период начала формироваться новая волна критики фискально-ориентированного подхода, в рамках которого государственная бюджетная политика строилась преимущественно на логике минимизации расходов и ограничения дефицита. Такая стратегия, активно продвигаемая международными финансовыми институтами — МВФ, Всемирным банком, Европейским центральным банком, — вела, как показал J. Habermas [5], к эрозии демократии, поскольку реальные решения о финансовых приоритетах всё чаще принимались вне рамок парламентского контроля и публичного обсуждения.

Таким образом, можно констатировать: за последние два десятилетия происходит глубокий сдвиг в восприятии роли публичных финансов в системе конституционного правопорядка. Рост значимости устойчивых финансов — не только как макроэкономической категории, но и как элемента устойчивой демократии, — свидетельствует о появлении нового измерения конституционализма, в котором финансовые правила и принципы играют не вторичную, а структурообразующую роль. На смену традиционной модели фискального контроля приходит концепция, в рамках которой финансовая политика рассматривается сквозь призму принципов правовой предсказуемости, институциональной подотчётности и межпоколенческой справедливости. Именно в этой точке, как утверждает B. Ackerman, открывается путь к

формированию финансового конституционализма как самостоятельного направления в развитии конституционной теории и практики [\[6\]](#).

Финансовый конституционализм: генезис, содержание и междисциплинарный подход

Понятие «финансовый конституционализм» является относительно новым в научном дискурсе, однако его теоретическое содержание уходит корнями в глубокие процессы институционализации публичных финансов, которые происходят в условиях смены экономико-правовой парадигмы. В отличие от традиционного фискального контроля, предполагающего лишь процедурный надзор за доходами и расходами государственного бюджета, финансовый конституционализм представляет собой более широкое и содержательное явление. Он включает в себя совокупность норм, принципов и механизмов, направленных на обеспечение устойчивости, прозрачности и предсказуемости финансовой политики государства, причём не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Его ключевыми характеристиками становятся институциональная стабильность, стратегическое планирование, юридическое ограничение дефицита и долга, а также обеспечение межпоколенческой справедливости в распределении ресурсов.

Следует подчеркнуть, что концепция финансового конституционализма формируется на фоне глобального доминирования неолиберальной экономической парадигмы, начавшегося в 1980-е годы. Данная парадигма, как показали в своих исследованиях М. Фуко и Д. Харви, привнесла в сферу публичного управления логику рыночной эффективности, конкуренции и ограничения роли государства как активного участника перераспределения благ. Это отразилось на правовом регулировании публичных финансов: было внедрено множество инструментов бюджетной дисциплины, основанных на жестких правилах, автоматических ограничителях и институтах внешнего контроля. В условиях финансовой глобализации и транснационализации рынков власти национальных государств были поставлены перед необходимостью координации фискальной политики с требованиями международных институтов, прежде всего Международного валютного фонда (МВФ), Европейского центрального банка (ЕЦБ), Всемирного банка и иных кредиторов, выдвигающих требования по устойчивости государственных финансов.

В этой связи особое значение приобретает междисциплинарный характер анализа финансового конституционализма, который невозможно понять исключительно в рамках юридической доктрины. Он находится на пересечении публичного права, политической экономии, теории институтов и сравнительного конституционализма. Как справедливо отмечают ряд исследователей, финансовый конституционализм возникает там, где экономическое содержание финансовой политики начинает обретать форму правовых обязательств и институциональных ограничений, действующих в режиме правового порядка [\[7\]](#). Таким образом, речь идёт не просто о правовой оболочке финансовой системы, а о целостной нормативной архитектуре, задающей параметры допустимого поведения субъектов бюджетного процесса.

Особую значимость приобретает сопоставительный анализ практики различных государств, уже реализовавших элементы финансового конституционализма. В Германии, например, действует так называемое "долговое торможение" (*Schuldenbremse*), закреплённое в Основном законе в 2009 году (статья 109 GG), которое ограничивает структурный дефицит федерального бюджета 0,35 % ВВП, а бюджет земель – полным запретом на дефицит. В Канаде действует аналогичный механизм – Федеральная рамка

фискальной ответственности (Federal Accountability Act, 2006), обеспечивающая прозрачность и независимый аудит финансовых решений. В США, несмотря на отсутствие формальной конституционной нормы о сбалансированности бюджета на федеральном уровне, существует практика «debt ceiling» – законодательного предела государственного долга, который играет дисциплинирующую роль. Европейский союз в рамках Пакта стабильности и роста (Stability and Growth Pact) и Фискального договора (Fiscal Compact) ввёл жёсткие количественные ограничения на дефицит и государственный долг для стран-членов.

Все эти примеры свидетельствуют о растущей роли правовых механизмов в формировании ответственной финансовой политики. Однако вместе с тем возникает и вопрос о пределах внешнего давления на суверенные государства. В ряде случаев вмешательство международных финансовых институтов вызывает опасения в части соблюдения национального финансового суверенитета. Например, меры, принятые в рамках антикризисной политики ЕС в отношении Греции, Испании и Португалии в период 2010–2015 годов, сопровождались жёсткими требованиями о сокращении расходов, приватизации активов и ограничении социальных обязательств, что, по мнению исследователей привело к деградации демократии и социальной напряжённости [8, 9].

В то же время можно признать, что такие требования могут служить фактором оздоровления публичных финансов и стимулирующим импульсом к институциональной модернизации. Однако дилемма между финансовой устойчивостью и национальным суверенитетом остаётся открытой и требует дальнейшего научного анализа в духе диалога между юридической наукой и экономической теорией. В конечном счёте финансовый конституционализм не может быть сведен к набору количественных показателей: он должен быть осмыслен как форма правовой организации публичной власти в условиях экономической неопределенности и политической взаимозависимости, где финансовые решения становятся неотъемлемой частью конституционного порядка.

От фискального контроля к институциональной устойчивости: новая парадигма конституционного правления

Переход от фискального контроля как традиционного инструмента надзора за бюджетными расходами к институциональной устойчивости как системной парадигме управления публичными финансами отражает глубинные изменения в структуре конституционного правления. Фискальное регулирование, фокусирующееся преимущественно на краткосрочном соблюдении бюджетных лимитов и дефицитных ограничений, всё чаще демонстрирует неспособность отвечать вызовам современной экономической и социальной действительности. Эта краткосрочность, выражаясь в приоритете годовых или даже квартальных бюджетных показателей, приводит к тому, что структурные реформы и инвестиции в будущее, особенно в такие области, как образование, здравоохранение или климатическая трансформация, откладываются или сокращаются. При этом бюджетная дисциплина в её узком понимании теряет связь с долгосрочными целями устойчивого развития и социальной справедливости.

Современные подходы, вырабатываемые как в научной доктрине, так и в институциональной практике, всё более опираются на принципы институциональной устойчивости. Эти принципы включают транспарентность как обязательство публичных органов раскрывать информацию о бюджетных решениях в доступной и понятной форме; правовую предсказуемость, предполагающую устойчивость фискальных правил и процедур; а также нормативную ориентацию на долгосрочную сбалансированность бюджета, не зависящую от политического цикла. Так, в докладе Международного

валютного фонда (IMF Fiscal Transparency Code, 2019) подчёркивается необходимость перехода от формального соответствия бюджетным процедурам к подлинной прозрачности и общественному участию в процессе формирования финансовой политики. В этом контексте правовое закрепление фискальных правил становится ключевым элементом обеспечения устойчивости: нормы о допустимом уровне дефицита, порядке внесения изменений в бюджет, приоритетности расходных обязательств получают конституционный или квазиконституционный статус.

Особую роль в институционализации финансовой ответственности играют конституционные суды и независимые фискальные органы. Конституционные суды становятся арбитрами не только в вопросах распределения компетенций, но и в спорах, касающихся добросовестного исполнения бюджетных обязательств и правомерности заимствований. Примером может служить решение Конституционного суда Германии по делу о фонде восстановления после пандемии, где было подчеркнуто, что даже чрезвычайные обстоятельства не освобождают правительство от необходимости соблюдения базовых фискальных принципов (BVerfG, Urteil vom 15.04.2021, 2 BvR 547/21). Независимые фискальные учреждения, как, например, Бюджетное управление Конгресса США (СВО) или Верховный аудитор Финляндии, выполняют функцию внешней экспертизы бюджета, оценивают реалистичность макроэкономических прогнозов, отслеживают исполнение стратегических целей. Как подчёркивает в своих работах Ж.-П. Фитуси, институционализация такой экспертизы позволяет преодолеть конфликт интересов между правительством и обществом, минимизируя риск политизации фискальных решений [\[10\]](#).

В условиях растущей взаимозависимости глобальных процессов и внутренних политик бюджет приобретает черты универсального инструмента реализации глобальных обязательств. В частности, он становится важным механизмом выполнения Повестки устойчивого развития на период до 2030 года (Sustainable Development Goals, SDGs), утверждённой ООН. Бюджетная политика становится связующим звеном между национальными приоритетами и транснациональными вызовами: изменением климата, демографическими сдвигами, цифровым разрывом. В странах ЕС введены требования по «зелёному бюджету», в рамках которых каждое бюджетное решение должно проходить оценку с точки зрения его воздействия на климат и экологию. Конституционализация этих подходов предполагает интеграцию экологических и социальных индикаторов в систему бюджетного права и формирование новых стандартов ответственности публичной власти.

Однако переход к институциональной устойчивости сопряжён с рядом рисков и вызовов. Один из наиболее значимых – это рост популизма, когда политические силы стремятся подменить стратегические бюджетные цели краткосрочными обещаниями, игнорируя долгосрочные последствия. Другой вызов – фрагментация бюджетных полномочий между различными уровнями власти, что особенно актуально для федеративных государств. Такая фрагментация может приводить к несовместимости фискальных правил, конфликтам интересов и слабой координации. Наконец, цифровизация бюджетного процесса, с одной стороны, усиливает прозрачность, позволяет в реальном времени отслеживать исполнение расходов, но с другой – создаёт риски утраты человеческого контроля, киберугроз и манипуляции данными. Соглашаясь с идеей О. А. Шабаевой, можно отметить, что цифровое государство требует нового типа фискального конституционализма – технологически прозрачного, но юридически управляемого [\[11\]](#).

Таким образом, новая парадигма конституционного правления в финансовой сфере

представляет собой сложную и многослойную систему, в которой сочетаются правовые, экономические и технологические аспекты. Она требует переосмыслиния традиционных подходов к фискальной ответственности и утверждения таких форматов, в которых баланс между политической волей, правовой регламентацией и общественным интересом становится не декларацией, а рабочим механизмом институциональной устойчивости.

Финансовый конституционализм и трансформация суверенитета

Одним из наиболее значимых и одновременно парадоксальных процессов в контексте финансового конституционализма является трансформация суверенитета как базовой категории политico-правового мышления. На протяжении столетий суверенитет воспринимался как абсолютная, неделимая и территориально привязанная форма верховной власти государства. Однако в условиях глобализации, развития наднациональных объединений и усиления трансграничных финансовых потоков традиционная модель государственности испытывает системный вызов. Финансовый конституционализм, являясь выражением попытки правового осмысливания новых реалий, вступает в сложное взаимодействие с классической парадигмой суверенитета, постепенно заменяя её многоуровневым управлением и нормами координационного характера.

Ярким проявлением этого процесса является перераспределение компетенций между различными уровнями публичной власти — национальным, наднациональным и субнациональным. Так, в рамках Европейского союза государства-члены передали значительный объём фискальных полномочий наднациональным органам, в первую очередь Европейскому центральному банку и Европейской комиссии. Примером служит Пакт стабильности и роста (1997), дополненный Фискальным пактом (2012), который, по сути, ввёл жёсткие правила бюджетной дисциплины с возможностью санкционирования государств-нарушителей. Это означает, что решение о превышении дефицита бюджета или увеличении государственного долга становится объектом наднационального контроля, а не исключительно внутреннего политического выбора. В таких условиях национальный парламент, традиционно являвшийся хранителем бюджетного суверенитета, оказывается ограниченным в своих прерогативах. Подобные процессы наблюдаются и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), где хотя и отсутствует столь развитая система фискального контроля, но постепенно формируется общая финансовая архитектура, особенно в контексте налоговой и валютной координации.

Важную роль в трансформации суверенитета играют глобальные финансовые институты, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Банк международных расчётов, которые выполняют функции, характерные для квазиконституционных акторов. Они не обладают формальным суверенитетом, однако могут навязывать государствам обязательства, выходящие за рамки обычного международного права. Так, предоставление финансовой помощи со стороны МВФ традиционно сопровождается требованием реализации мер бюджетной консолидации, приватизации, сокращения социальных расходов, что прямо влияет на внутреннюю фискальную политику стран-должников. Эти условия, известные как «условность» (conditionality), выступают в роли своеобразных наднациональных «фискальных конституций», что было отмечено в трудах, например, I. Ciolli [12]. Более того, такие обязательства иногда получают закрепление в национальном законодательстве, включая даже конституционные положения, как это произошло в Греции и Ирландии после долгового кризиса 2008 года.

В контексте региональных объединений, помимо правовых механизмов, особую значимость приобретает принцип солидарности и финансовой стабильности. Эти категории становятся не просто политическими лозунгами, а юридически значимыми принципами, формирующими основы нового конституционного порядка. В Договоре о функционировании Европейского союза (ст. 122, 136) зафиксированы положения о возможности предоставления финансовой помощи государствам-членам в случае чрезвычайных обстоятельств, угрожающих стабильности еврозоны. Эти нормы были активно применены в ходе пандемии COVID-19, в том числе при создании фонда NextGenerationEU. В рамках ЕАЭС аналогичный дискурс формируется вокруг необходимости создания общего финансового рынка, механизмов поддержки устойчивости национальных экономик и согласования макроэкономической политики. Подобное развитие демонстрирует, что финансовая интеграция требует выработки не только технических, но и конституционных механизмов перераспределения рисков и ресурсов.

Особое внимание в этом контексте следует уделить трансформации принципа народного суверенитета [13]. Идея, согласно которой именно народ является источником всей публичной власти, сталкивается с реальностью, в которой значительная часть ключевых решений в области финансовой политики принимается вне рамок национального демократического процесса. Возникает феномен «дефицита демократии», когда общество ощущает утрату контроля над основополагающими решениями, касающимися налогов, расходов, пенсионной системы. В частности, А. Тихомиров [14] подтверждает мысль о том, что в подобных условиях публичная власть теряет не только легитимность, но и смысл, если она не может влиять на распределение ресурсов. Вместе с тем, данная трансформация не обязательно носит исключительно негативный характер. В условиях взаимозависимого мира защита долгосрочных интересов может требовать временного ограничения национального манёвра в пользу общеевропейских или глобальных приоритетов, включая климатическую устойчивость, социальную справедливость и предотвращение финансовых кризисов.

В этой связи всё более актуальным становится концепт финансового конституционализма как формы нового конституционного патриотизма, не привязанного исключительно к нации-государству, а ориентированного на универсальные ценности правовой устойчивости, ответственности и солидарности. Такой подход предполагает формирование гражданской идентичности, основанной не только на этнокультурных или территориальных признаках, но и на приверженности принципам транспарентности, бюджетной честности, долгосрочного финансового планирования. В этой связи J.-W. Müller подчёркивает, что «конституционный патриотизм» может стать опорой для постнациональных форм солидарности, особенно если он связан с правами человека и справедливым распределением общественных благ [15].

Таким образом, финансовый конституционализм не только отражает, но и формирует новые границы суверенитета, перераспределяя его между различными уровнями публичной власти и новыми институциональными субъектами. Это перераспределение не следует воспринимать как ослабление государственности, но скорее как её эволюцию в направлении многоуровневой, гибкой и взаимосвязанной системы публичного управления, в которой финансовые нормы и принципы занимают ключевое место.

Перспективы развития финансового конституционализма

Современные вызовы, формирующие контуры глобальной правовой реальности, не

оставляют сомнений в необходимости переосмысления места и значения финансового конституционализма в конституционном правопорядке будущего. В условиях нестабильности мировой экономики, нарастающих климатических угроз и стремительного цифрового перехода, государственная финансовая политика требует не просто нормативного закрепления, а именно конституционной институционализации принципов устойчивых публичных финансов. Речь идёт не только о включении в конституции норм о сбалансированности бюджета или недопустимости чрезмерного дефицита, но и о признании финансовой стабильности в качестве основы демократического правопорядка. Такой подход уже получил развитие в странах ЕС, где, например, в Основном законе Германии (*Grundgesetz*) был введён так называемый «долговой тормоз» (*Schuldenbremse*), ограничивающий возможность заимствования в мирное время. Аналогичные положения присутствуют в конституциях Испании и Швейцарии, и они выступают индикаторами смещения акцентов от текущего фискального контроля к долгосрочному планированию в духе принципа устойчивости.

В этой связи одной из ключевых задач, стоящих на повестке дня научного сообщества и законодателей, является разработка объективных, нормативно верифицируемых индикаторов институциональной устойчивости в сфере публичных финансов. Эти индикаторы должны учитывать не только формальные показатели исполнения бюджета, но и эффективность использования ресурсов, предсказуемость финансовой политики, степень транспарентности принятия решений и соответствие долгосрочным целям устойчивого развития (*Sustainable Development Goals – SDGs*). Подобные усилия уже предпринимаются в рамках деятельности международных организаций, таких как МВФ и Всемирный банк, но они требуют правового закрепления на национальном и наднациональном уровнях. В этой связи следует подчёркнуть, что без таких индикаторов невозможно достичь реального контроля над властью в бюджетной сфере, поскольку бюджетная политика превращается в сферу произвольных решений, зачастую лишённых конституционной рефлексии.

Особое внимание в перспективе заслуживает анализ потенциала развития финансового конституционализма в странах СНГ, включая Казахстан, где традиционно бюджет рассматривался, прежде всего, как инструмент распределения доходов, а не как способ реализации фундаментальных конституционных принципов. Однако в последние годы в Казахстане наблюдаются попытки внедрения элементов фискальной транспарентности, цифрового бюджетирования и стратегического планирования. Эти процессы открывают пространство для нормативного переосмысления роли парламента и Счётного комитета, а также для создания независимых фискальных институтов, функционирующих в духе принципа институциональной устойчивости. В контексте Евразийского экономического союза, где пока отсутствуют наднациональные фискальные органы, развитие финансового конституционализма может стать залогом укрепления региональной стабильности и создания эффективной интеграционной модели с правовым укоренением экономической солидарности.

Глобальный Юг, включая страны Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии, также оказывается вовлечённым в трансформацию финансового конституционализма. Под воздействием международных организаций и в условиях долгового давления здесь всё чаще поднимается вопрос о суверенитете бюджетной политики, что на практике ведёт к поиску конституционно закреплённых механизмов защиты финансовой автономии. В частности, в Бразилии с начала 2000-х годов действует так называемый «Закон о фискальной ответственности» (*Lei de Responsabilidade Fiscal*), который, несмотря на подзаконный характер, фактически выполняет квазиконституционную

функцию.

Новой и чрезвычайно важной темой является соотношение финансового конституционализма с феноменом цифровых финансов. Развитие криптовалют, технологии блокчейн, а также автоматизация налогового администрирования ставят перед государством совершенно новые вызовы. Конституция как правовой документ длительного действия должна предусматривать возможность адаптации финансовой системы к этим вызовам, не нарушая при этом прав граждан и сохраняя основы демократического контроля. При этом ряд авторов обращает внимание на то, что цифровизация усиливает асимметрию между технической сложностью финансовых решений и доступностью общественного контроля над ними, что требует правовых механизмов компенсации этой диспропорции [16, 17]. Поэтому финансовый конституционализм будущего должен включать в себя также цифровой компонент, способный обеспечить транспарентность, правовую предсказуемость и устойчивость в условиях новых финансовых технологий.

Завершая картину перспектив, следует указать на развитие теоретической модели «зелёного финансового конституционализма», направленной на конституционную институционализацию экологически устойчивой финансовой политики. Эта концепция предполагает не только приоритетное бюджетное финансирование экологических программ, но и конституционное признание обязанности государства минимизировать климатические риски через фискальную политику. Некоторые элементы этой идеи уже реализованы в проектах «зелёных бюджетов» стран ЕС, в которых расходы и доходы оцениваются с точки зрения их воздействия на климат. Применительно к Казахстану и странам СНГ подобный подход может лечь в основу конституционной модернизации, сочетающей экономическую рациональность с обязательствами перед будущими поколениями.

Таким образом, финансовый конституционализм предстает не как узкоспециализированная подотрасль, а как новая парадигма правового регулирования, охватывающая сразу несколько направлений – от защиты фискального суверенитета до обеспечения климатической и цифровой устойчивости публичных финансов.

Заключение

Финансовый конституционализм, представленный в контексте настоящего исследования, предстает не как временная или ситуативная мера, вызванная необходимостью реагировать на очередной виток макроэкономических или бюджетных кризисов, но как системообразующий элемент новой парадигмы публичного управления. Он позволяет выйти за рамки традиционного фискального контроля, опирающегося преимущественно на сбалансированность бюджета и дисциплину расходов, предлагая вместо этого более широкий, институционально насыщенный подход к построению устойчивого конституционного порядка. Речь идет не о механической адаптации правовых норм к экономическим условиям, но о глубоком переосмыслении самой природы конституции в качестве инструмента координации, интеграции и предвидения в условиях растущей экономической взаимозависимости и многоуровневого управления.

Прежде всего, данный подход требует деконструкции старых дихотомий, разделявших право и экономику как автономные сферы. Конституция, особенно в её финансовом измерении, не может более рассматриваться исключительно как нормативный акт, ограничивающий власть. В условиях глобального экономического взаимодействия и цифровой трансформации она становится «живым текстом», устанавливающим рамки для

прогнозируемого, справедливого и рационального экономического управления. Как справедливо отмечает Р. Häberle, современная конституция должна выступать не только как рамочный текст для легитимации власти, но и как средство «будущего проектирования» общества (*Zukunftsverfassung*) [18]. Финансовый конституционализм, в этой связи, играет роль системной матрицы для согласования целей устойчивого развития, бюджетной ответственности и социальной справедливости.

Устойчивость, как основополагающий вектор нового типа конституционализма, опирается не на консервацию институтов, а на их способность к адаптации. В условиях трансформации суверенитета, усиления роли наднациональных и глобальных финансовых акторов (например, МВФ, ЕЦБ, Всемирного банка), значение приобретают принципы транспарентности, подотчетности, институциональной предсказуемости и правовой интеграции. Эти категории требуют своего нормативного закрепления на конституционном уровне, что предполагает переход от «реактивной» к «превентивной» модели бюджетного регулирования. Такой переход, в свою очередь, возможен только в условиях широкого общественного консенсуса, в том числе и экспертного, относительно базовых принципов устойчивого финансового порядка.

Результатом этого процесса становится новый конституционный синтез, в рамках которого финансовый конституционализм выполняет функцию «институционального клея» между традиционными элементами конституционного строя (разделение властей, защита прав и свобод, народовластие) и новыми вызовами XXI века — климатической трансформацией, цифровизацией, глобальной налоговой конкуренцией и трансграничной долговой взаимозависимостью. Иначе говоря, финансовый конституционализм приобретает значение не вспомогательной категории, а ядра обновленной конституционной идентичности современного государства. В этом смысле конституционно закреплённые принципы устойчивого развития бюджета — не только технические инструменты, но и этико-правовые ориентиры, определяющие пределы допустимого в публичных финансах.

Таким образом, предлагается рассматривать финансовый конституционализм как ключевой элемент институционального будущего, ориентированного на долгосрочную устойчивость, а не на сиюминутную экономическую эффективность. Этот подход требует не только юридического оформления соответствующих механизмов контроля и ответственности, но и трансформации самой правовой культуры, в которой финансовая дисциплина рассматривается как часть общей конституционной ответственности перед настоящим и будущими поколениями. Подобная перспектива делает возможным формирование нового нормативного консенсуса, способного преодолеть как фрагментарность бюджетной политики, так и популистские искушения, разрушительно воздействующие на фундаментальные устои демократического государства.

Библиография

1. Schmitt, K. *Verfassungslehre*. 1928.
2. Tuori, K. *The European Financial Crisis: Constitutional Aspects and Implications*. EUI LAW Working Paper, 2012/28. 2012.
3. Kumm, M. The Legitimacy of International Law: A Constitutional Framework of Analysis. *European Journal of International Law*. 2008. T. 15, № 5. С. 907-919.
4. Tuori, K. *European Constitutionalism*. Cambridge University Press, 2015. 418 с.
5. Habermas, J. *The Crisis of the European Union: A Response*. Cambridge: Polity Press, 2012. 120 с.
6. Ackerman, B. *Revolutionary Constitutions: Charismatic Leadership and the Rule of Law*.

- Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 472 с.
7. Адамс, М., Фабрини, Ф., Ларуш, П. Введение: Конституционализация европейских бюджетных ограничений: эффективность и легитимность в сравнительной перспективе. В кн.: Конституционализация европейских бюджетных ограничений. Оксфорд: Hart Publishing, 2014. С. 1-17.
8. Mattiess, M. *Integration at What Price? The Erosion of National Democracy in the Euro Periphery*. Government and Opposition. 2017. Т. 52, № 2. С. 266-294.
9. Kariotis, G., Gerodimos, R. *Austerity Politics and Crisis Governance: Lessons from Greece*. В кн.: The Politics of Extreme Austerity: Greece in the Eurozone Crisis. С. 259-271. 2015.
10. Fitoussi, J.-P. *Macroeconomic Policies and Institutions*. Angelo Costa Lectures Series, SIPI Spa, 2006.
11. Шабаева, О. А. Цифровое государство как явление современной реальности: понятие и сущность // Экономика и право. 2024. № 34(3). С. 563-569.
12. Ciolli, I. (2015). Constitutional consequences of the financial crisis and the use of emergency powers: Flexibility and sources of emergency powers. Rivista AIC, 1, 1-22.
13. Климова, М. И. Народный суверенитет как конституционный принцип // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 45-46. С. 25-29. EDN: TJGLGN.
14. Тихомиров, Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе // Журнал российского права. 2007. № 12 (132). С. 27-36. EDN: ООACOP
15. Müller, J.-W. *Constitutional Patriotism*. Princeton University Press, 2007. 192 с.
16. Pasquale, F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. Harvard University Press, 2015. 304 с.
17. Levy, K., Chasalow, K., Riley, S. (2021). Algorithms and decision-making in the public sector. Annual Review of Law and Social Science, 17.
18. Haberle, P. (1974). Time and the constitution: Prologue to a "temporal" interpretation of the constitution. Zeitschrift für Politik, 21(2), 111-137.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Финансовый конституционализм как вектор трансформации современной модели конституционализма: от фискального контроля к институциональной устойчивости» для опубликования в журнале «Налоги и налогообложение».

Статья посвящена исследованию финансового конституционализма как новой парадигмы, объединяющей принципы устойчивости государственных финансов с конституционными нормами. Автор анализирует переход от традиционного фискального контроля к комплексной системе институциональной устойчивости, подчеркивая роль конституционных механизмов в обеспечении долгосрочной финансовой стабильности. В качестве примеров рассматриваются практики Германии, США, ЕС и других стран.

Исследование основано на комплексном применении методов: юридико-догматического — для выявления связей между нормами конституционного и финансового права; сравнительно-правового — для анализа зарубежных моделей (Германия, США, Франция, ЕС); институционального — для изучения структурных изменений в системе публичной власти; междисциплинарного — включая экономико-правовой и политико-правовой анализ; аксиологического — для выявления ценностных ориентиров финансовой конституционализации. Такой подход обеспечивает глубину анализа и всестороннее

рассмотрение темы.

Тема статьи является актуальной в условиях глобальной экономической нестабильности, усиления роли наднациональных финансовых институтов и цифровизации экономики. Автор обоснованно указывает на необходимость пересмотра традиционных подходов к бюджетному регулированию, что делает исследование значимым для современной юридической и экономической науки.

Научная новизна заключается в предложении концепции финансового конституционализма как самостоятельного направления в теории конституционализма. Автор выходит за рамки классического фискального контроля, рассматривая публичные финансы как элемент конституционного порядка, влияющий на политическую легитимность и устойчивость государства. Особый вклад — анализ трансформации суверенитета под влиянием финансовых норм и интеграционных процессов.

Стиль, структура, содержание работы соответствуют требованиям, предъявляемым к научным статьям для опубликования в выбранном журнале. Автор использовал научный, четкий и логичный стиль изложения материала, с использованием специальной терминологии. Статья хорошо структурирована, включает введение, теоретические разделы, анализ практик, перспективы и заключение. Содержание работы глубокое и аргументированное, с привлечением широкого круга источников и примеров. Местами текст перегружен сложными конструкциями, что может затруднить восприятие для неподготовленного читателя, что, однако, не умаляет значимости достигнутых автором результатов исследования.

Выводы автора обоснованы и опираются на использование достаточного количества источников. Библиография включает классические и современные работы, такие как труды К. Шмитта, Ю. Хабермаса, Б. Аккермана, а также актуальные исследования по финансовому праву и конституционализму. Источники отражают междисциплинарный характер исследования. Однако можно было бы добавить больше работ, посвященных цифровым аспектам финансового конституционализма. Автор косвенно полемизирует с традиционными подходами к фискальному контролю, критикуя их ограниченность и краткосрочность. Он также затрагивает дискуссии о суверенитете, ссылаясь на мнения исследователей (например, J. Habermas, B. Ackerman). Однако явных дискуссий с конкретными оппонентами в статье нет, что снижает остроту научной полемики.

Автор убедительно обосновывает финансовый конституционализм как системообразующий элемент современного конституционного порядка. Подчеркивается необходимость интеграции финансовых норм в конституционную архитектуру для обеспечения устойчивости и легитимности. Статья будет полезна юристам, экономистам, политологам, а также специалистам в области государственного управления. Она предлагает новые перспективы для исследований в области финансового права и конституционализма.

Статья представляет собой значительный вклад в развитие теории финансового конституционализма. Несмотря на некоторую сложность изложения, работа отличается глубиной анализа, актуальностью и научной новизной. Рекомендуется к опубликованию в журнале «Налоги и налогообложение».